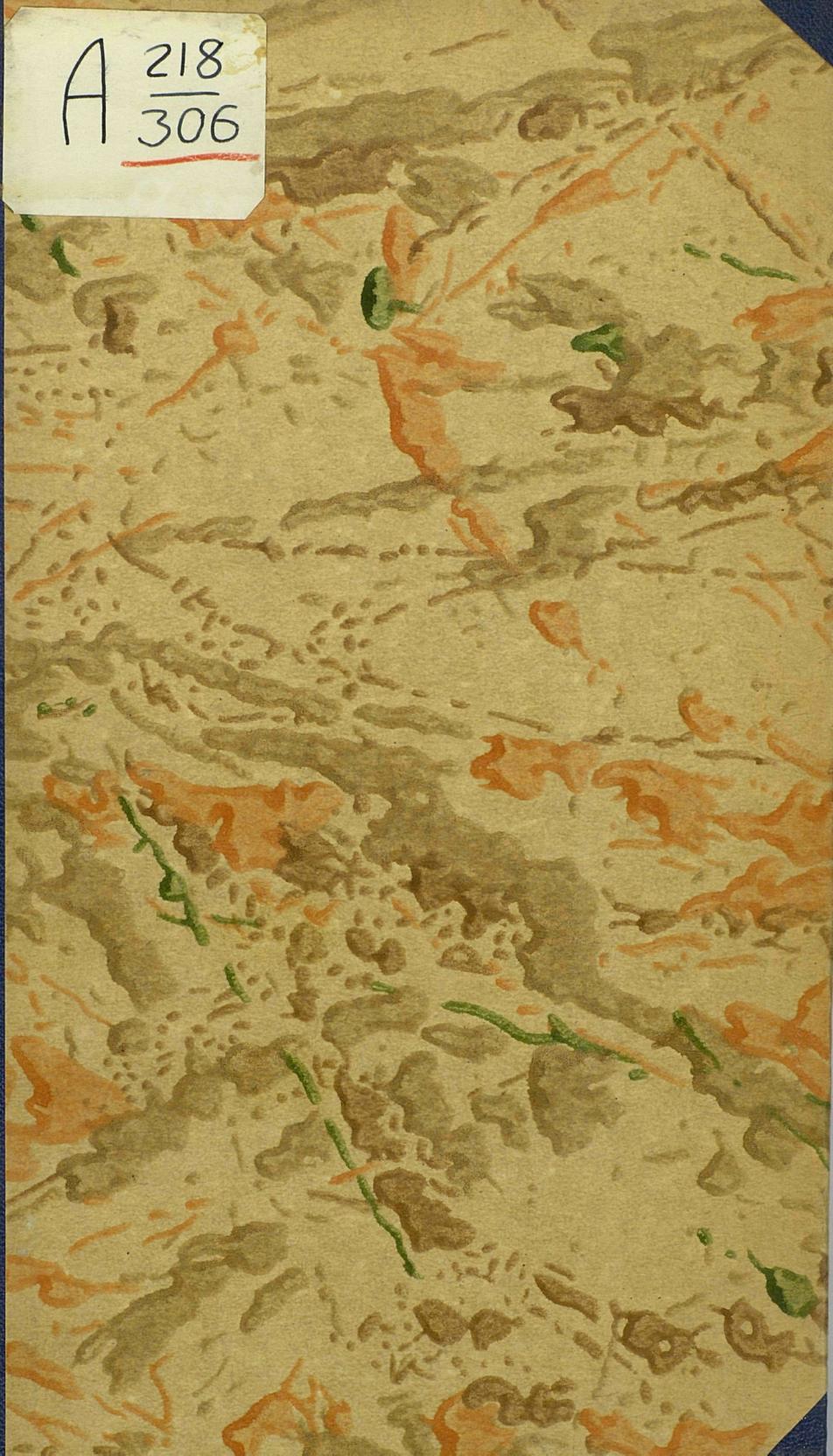

A $\frac{218}{306}$

А 218
306

СТРАНСТВУЮЩІЙ

УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ

СКОВОРОДА.

Свящ. Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ Новицеаго, Михайловская ул. д. № 4.
1894.

СТРАНСТВУЮЩІЙ

УКРАИНСКІЙ ФИЛОСОФЪ

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ

С К О В О Р О Д А .

Свящ. Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

1894.

СТРАНСТВОШІН

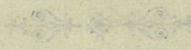
УКРАЇНСЬКІЙ ФІЛОСОФІ

ТРІПОЛІН СВАВНІ

СЯОВОРОВА Д.

Изь журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ №№ 7—8 за 1894 годъ.

Савинъ Н. Степановъ

КІЕВЪ

Издательство Т. Шевченка, Михайловская ул. № 4

1894

2007043289

СТРАНСТВУЮЩІЙ УКРАИНСКІЙ ФІЛОСОФЪ ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА.

Въ настоящемъ году, 29 октября, исполнится сто лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сквороды, съ сочувствіемъ воспоминаемаго въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и донинѣ, подъ названіемъ странствующаго украинскаго философа, и нѣтъ сомнѣнія, что Харьковъ, средоточный пунктъ его дѣятельности, во главѣ съ университетомъ, такъ много обязаннымъ ему своимъ основаніемъ, достойно почтитъ память его юбилеемъ.

Считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этою загадочною, но несомнѣнно высокодаровитою и чрезвычайно своеобразною личностію, столь сильно увлекавшею не только современниковъ, но и ближайшее потомство,—въ надеждѣ, что юбилейное торжество освѣтитъ ее болѣе полно,—считаемъ тѣмъ болѣе не лишнимъ, что философъ Скворода не безызвѣстенъ и Кіеву, гдѣ онъ получилъ первое образованіе, и гдѣ имѣлъ не мало друзей, знакомыхъ и почитателей.

I.

Обстоятельства жизни Сквороды мало извѣстны въ нашей литературѣ; хотя свѣдѣній о немъ сохранилось достаточно количество, но все это скорѣе передача впечатлѣній

отъ его личности, чѣмъ настоящій біографическій матеріалъ ¹⁾).

Сковорода родился въ 1722 году, въ селѣ Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Родители его были изъ простаго званія: отецъ—козакъ, мать—козачка. Мѣщане по состоянію, они были не совсѣмъ достаточны; но ихъ честность, правдивость, гостепріимство, набожность и миролюбіе были извѣстны во всемъ околоткѣ. Богомольный съ самаго ранняго дѣтства, сынъ ихъ Григорій обнаруживалъ охоту къ ученію и способность къ музыкѣ. Одѣвшись бывало въ „юфтовое“ платье, онъ отправлялся съ глубокаго утра куда-нибудь въ рощу или въ поле и наигрывалъ на своей „сопилкѣ“ (свирѣли), мало-по-малу усовершенствованной имъ въ флейту, священные гимны. Кромѣ того, мальчикъ, имѣя прекрасный голосъ, любилъ ходить въ церковь на клиросъ и пѣть. Любимою пѣсню его былъ стихъ Іоанна Дамаскина:

¹⁾ Кромѣ отдѣльныхъ небольшихъ замѣтокъ въ давно забытыхъ журналахъ: въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1817 г. (статья Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернега), „Отечественныхъ Запискахъ“ 1823 г. (статья Снегирева), „Утренней Звѣздѣ“ 1833 и 4 гг. (статья Срезневскаго), „Телескопъ“ 1835 г. (статья Хиждеу), „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1836 г. (статья Срезневскаго) и нѣкоторыхъ другихъ, возможно-обстоятельныя свѣдѣнія о жизни Сковороды находятся въ журналахъ „Основа“ 1861 г. (статья Г. П. Данилевскаго) и „Кіевская Старина“ 1886 г. Въ послѣдней, въ сентябрьской книжкѣ, помѣщено въ подлинномъ и цѣльномъ видѣ „Житіе Григорія Саввича Сковороды, описанное другомъ его“, М. И. Ковалѣнскимъ въ 1795 году, февраля 9. Это „житіе“ напечатано по списку, сообщенному редакціи „Кіевской Старины“ г. Добротворскимъ изъ Курска. Нѣкоторыя черты изъ „Житія“ взяты Снѣгиревымъ въ статью его о Сковородѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и архимандритомъ Гавріиломъ въ его „Исторіи русской философіи“ 1840 г. (то, что изложено здѣсь Гавріиломъ о философіи Сковороды, заимствовано, по видимому, изъ статьи Хиждеу). Аскоченскій издалъ въ извлеченіи содержаніе хранившейся у него подлинной рукописи Ковалѣнскаго въ „Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ 1855 года, которую потомъ передалъ Погодину. Данилевскій въ своей біографіи Сковороды сообщаетъ свѣдѣнія о немъ по запискамъ Ковалѣнскаго въ рукописи, полученной имъ, какъ онъ самъ говоритъ, „отъ бывшаго инспекторомъ Врачебной Управы во Владимирѣ и преподавателемъ медицины въ тамошней семинаріи, М. И. Алякринскаго“, Алякринскій же досталъ ее отъ одного изъ бывшихъ друзей Сковороды—Ѳ. И. Дибяго. Въ настоящемъ году явилась статья о Сковородѣ въ журналѣ „Недѣля“ (январь) и начата печатаніемъ „Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія“ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ (май).

„Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегѡша безбожнаго велѣнія“. По прошествіи многихъ лѣтъ, за два мѣсяца до своей смерти, Сковорода, проживая у друга своего Ковалѣнскаго, которому мы обязаны досто-вѣрнымъ жизнеописаніемъ нашего философа, въ бесѣдѣ съ нимъ о своей жизни, упомянулъ и объ этомъ стихѣ Дамаскина,—что онъ всегда почти пѣлъ его въ молодости и, самъ не зная почему, любилъ его преимущественно предъ всѣми прочими церковными пѣснями.

Способныя казацкія дѣти часто поступали въ кievскую академію, славившуюся въ тѣ времена науками: родители рассчитывали втянуть ихъ черезъ образованіе въ ряды козацкой старшины, ставшей тогда новымъ дворянскимъ сословіемъ, или въ ряды духовенства. Отданный отцемъ въ академію, Сковорода скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ въ успѣхахъ и похвалахъ отъ всѣхъ наставниковъ. Митрополитъ кievскій, Самуиль Миславскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, будучи товарищемъ его по классу, во всемъ отставалъ отъ него. Въ бытность въ академіи Сковорода сразу же обратилъ на себя вниманіе регента пѣвческаго хора, и немедленно поступилъ въ пѣвчіе.

Въ то время царствовала императрица Елизавета Петровна, извѣстная своею набожностію и любовью къ музыкѣ и духовному пѣнію. Благодаря своему пріятному дисканту и большимъ музыкальнымъ способностямъ, Сковорода былъ взятъ изъ академіи въ придворную капеллу, еще со временъ царя Алексѣя Михайловича, постоянно пополнявшуюся голо-сами изъ Малороссіи,—куда онъ и отправленъ былъ однимъ изъ первыхъ при восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ. При дворѣ Сковорода оставался въ должности пѣвчаго, а потомъ—псаломщика недолго—около двухъ лѣтъ. Вѣроятно, здѣсь имъ положенъ былъ напѣвъ „Иже херувимы“, извѣстный подъ именемъ „придворнаго“, который и нынѣ считается лучшимъ напѣвомъ и употребляется во многихъ

церквахъ Малороссіи. Напѣвъ этой церковной пѣсни, по Высочайшему повелѣнію, изданъ, подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, и разосланъ по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Сковородѣ же приписываютъ введеніе во всеобщее употребленіе веселаго и торжественнаго напѣва „Христось воскресе“ и канона на Пасху „Воскресенія день“..., вездѣ именуемаго „Сковородинскимъ“, вмѣсто прежняго унылаго, ирмологнаго напѣва. Сочинялъ Сковорода и духовные канты, не вошедшіе въ церковную практику, а употреблявшіеся впоследствии въ частныхъ собраніяхъ кievскаго духовенства, любившаго за вѣтную старину. Но любовь къ наукѣ въ немъ взяла верхъ надъ любовью къ музыкѣ.

Когда императрица Елизавета со всѣмъ дворомъ посетила Кіевъ, Сковорода, которому въ то время было 22 года, также прибылъ туда вмѣстѣ съ другими придворными пѣвчими; но, при возвращеніи двора въ Петербургъ, онъ, получивъ увольненіе съ чиномъ „установщика“ (запѣвалы въ хорѣ), дававшася обыкновенно лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при уходѣ ихъ изъ капеллы, остался въ Кіевѣ и снова поступилъ въ академію продолжать ученіе. Молодой Сковорода очень много учился, такъ-какъ успѣлъ пріобрѣсти большія познанія даже и внѣ круга академическихъ предметовъ; изучивъ прекрасно риторику, поэзію, философію, метафизику, математику, естественную исторію и богословіе, онъ въ совершенствѣ постигъ языки еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, польскій и церковно-славянскій, говорилъ и писалъ на нихъ свободно, такъ-что по справедливости могъ назваться человѣкомъ высокообразованнымъ. Но, по видимому, Сковорода вовсе не имѣлъ расположенія къ духовному званію, къ которому, впрочемъ, отецъ готовилъ его. По крайней мѣрѣ существуетъ разсказъ о томъ, какъ кievскій архіерей хотѣлъ посвятить его въ священники, и онъ, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь, прибѣгнулъ къ хитрости, притворился

душевно-больнымъ, измѣнилъ голосъ, началъ заикаться. Почему исключили его изъ академіи, какъ непонятнаго, и, признавъ неспособнымъ къ духовному званію, оставили его въ покоѣ.

Этого-то и хотѣлъ Сковорода; курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ то время въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ натуръ, у которыхъ жажда знанія ненасытима: онъ искалъ въ знаніяхъ внутренняго свѣта, безъ котораго существованіе представилось ему невозможнымъ. Но гдѣ взять этихъ знаній? И вотъ Сковорода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ тому и удобный случай, которымъ онъ воспользовался охотно. Генераль-маіоръ Вишневскій, отправлявшійся, по порученію двора, въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, заготовить Императрицѣ токайскихъ винъ, хотѣлъ имѣть для находившейся въ Офенѣ православной церкви челоуѣка, хорошо знающаго церковное пѣніе. Сковорода, извѣстный уже искусствомъ своимъ въ музыкѣ и пѣніи, а также знаніемъ иностранныхъ языковъ, представленъ былъ генералу Вишневскому, и горячее желаніе его быть за границей исполнилось: съ царскимъ вельможей онъ отправился въ Венгрію. Безъ всякихъ почти средствъ, пѣшкомъ, обошелъ Сковорода всю Венгрію, Польшу, Германію и Италію ¹⁾. „Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по этой классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Триумфальная арка Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ,—всѣ остатки сего владыки міра произвели въ немъ сильное впечатлѣніе“. Но мѣста не такъ интересовали его, какъ ученые люди Европы; ихъ собственно желалъ онъ видѣть и слышать. Благодаря тому, что Сковорода чисто и правильно говорилъ на разныхъ европейскіихъ языкахъ, онъ могъ заводить знакомства и сношенія съ извѣстнѣйшими тогда учеными и философами, напр. съ Кан-

¹⁾ „Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., ч. 6, стр. 108.

томъ ¹⁾, а съ тѣмъ вмѣстѣ запасаться и новыми свѣдѣніями, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Обогадившись идеями западной науки и философіи, Сковорода вернулся на родину человекомъ съ сложившимися убѣжденіями и съ такимъ громаднымъ запасомъ всякихъ познаній, что, по отзыву современниковъ ²⁾, „могъ занять мѣсто между германскими учеными наиболѣе уважаемыми“. По возвращеніи изъ заграницы, онъ узналъ, что всѣ его родные, не исключая отца, уже умерли, и потому, побывавши нѣкоторое время въ родномъ селѣ, пошелъ по прежнимъ своимъ пріятелямъ. Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; но благодаря остроумію и краснорѣчію, его выдающійся умъ и широкое образованіе не могли долго оставаться подъ спудомъ. Однако Сковородѣ, при особенностяхъ его натуры, не такъ-то легко было извлечь изъ своихъ талантовъ и тѣ ничтожныя средства къ жизни, въ какихъ онъ нуждался. Единственное поприще, съ которымъ онъ мирился, было педагогическое, но и здѣсь онъ постоянно наталкивался на подводные камни.

Такъ-какъ друзья Сковороды, у которыхъ онъ проживалъ, были люди также небогаты, то поэтому они всячески старались, какъ бы употребить его таланты съ пользою для него и вмѣстѣ для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславской семинаріи, которое, при содѣйствіи своихъ друзей, онъ и занялъ. Сослуживцами его по Переяславской семинаріи были: извѣстный протоіерей Стефанъ Гречина или Гречка и знаменитый впослѣдствіи кievскій проповѣдникъ Іоаннъ Леванда,—оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями. Въ семинаріи въ то время господствовалъ еще Симеонъ Полоцкій съ своими силлабическими стихами, которые предпочитались ямбамаъ Ломо-

¹⁾ „Духовная Бесѣда“, 1863 г., т. XVII, стр. 346.

²⁾ „Молодикъ“ 1844 г., стр. 43.

носова. Сковорода хотѣлъ ввести въ свое преподаваніе новыя взгляды на предметъ и написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ ней. Но тамошній епископъ, Никодимъ Стребницкій, приказалъ ему измѣнить учебникъ и потребовалъ, чтобы преподаваніе науки велось по старому. Сковорода не хотѣлъ подчиниться такому предписанію, ссылаясь на авторитеты, и свое письменное объясненіе по этому поводу (потребованное отъ него епископомъ чрезъ консисторію), состоящее въ томъ, что его разсужденіе о поэзіи и руководство, имъ составленное, правильны и согласны съ существомъ дѣла, усилилъ латинскою пословицей: „Alia res spectrum, alia plectrum“ (одно дѣло пастырскій жезлъ, а другое—пастушья свирѣль). Епископъ на консисторскомъ докладѣ собственноручно сдѣлалъ не менѣе выразительную надпись: „Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню“. И вслѣдъ за этимъ Сковорода былъ изгнанъ изъ Переяславской семинаріи.

Послѣ этого онъ сталъ жить у одного изъ своихъ пріятелей, который, зная цѣну его достоинствъ, не зналъ его крайней бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не догадывался спросить его о нуждахъ, которыя онъ переносилъ терпѣливо и безропотно, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотовый кафтанъ, одни башмаки и черныя гарусныя чулки. Тѣснимый нуждою Сковорода пробуетъ устроиться педагогомъ въ частномъ домѣ. Невдалекѣ, въ деревнѣ Каврай, жилъ одинъ богатый и вельможный помѣщикъ, Стефанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. По рекомендаціи знакомыхъ, Сковорода дѣлается домашнимъ учителемъ сына Тамары. Занимаясь съ молодымъ Тамарой, онъ не обременялъ его излишними свѣдѣніями, а только помогалъ незамѣтнымъ образомъ самостоятельно развиваться его природнымъ способностямъ. Ученіе шло цѣлый годъ, воспитанникъ успѣлъ привязаться къ своему наставнику, и Сковорода съ терпѣніемъ сносилъ барскую спѣсь, которая не позволяла пану, „презрительно относившемуся ко всему, что

не одѣто въ гербы и не украшено родословными“, не только говорить съ воспитателемъ своего сына, но даже удостоивать его человѣческимъ взглядомъ, хотя всякій день онъ сидѣлъ у него за столомъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ,—сносилъ всё это тѣмъ болѣе терпѣливо, что сдѣланъ былъ годовой контрактъ, и онъ хотѣлъ исполнить свою обязанность по совѣсти. Но тутъ вышелъ такой случай. Бесѣду однажды съ своимъ ученикомъ и обращаясь съ нимъ откровенно и просто, Скворода спросилъ его мнѣніе о предметѣ бесѣды и на его не подходящій отвѣтъ замѣтилъ, что такъ можетъ мыслить только свиная голова... Кто-то изъ слугъ слышалъ эти слова, донёсъ госпожѣ; госпожа, сочтяшая это оскорбленіемъ шляхетскаго достоинства своего сына, передала мужу, и вотъ за „свиную голову“ Скворода опять лишился мѣста, пищи, одежды, но не надежды. Старикъ Тамара, который, не смотря на свою надменность, былъ человѣкъ очень умный и по тому времени образованный, цѣня все-таки учителя, при прощаніи впервые заговорилъ съ нимъ и заключилъ свой разговоръ словами: „прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!“

Въ крайней нуждѣ прибылъ Скворода къ одному своему пріятелю, переяславскому сотнику, человѣку добродушному и гостепріимному. Здѣсь представился ему случай ѣхать въ Москву съ другимъ своимъ знакомымъ иѣкимъ Каллиграфомъ, который получилъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи; съ нимъ онъ и отправился. Изъ Москвы Скворода проѣхалъ въ Троице-Сергіеву лавру, намѣстникомъ которой былъ тогда извѣстный впоследствии ученостію епископъ черниговскій, Кирилль Флоринскій. Освѣдомленный уже о талантахъ Сквороды по слухамъ, Кирилль уговаривалъ его остаться въ лаврѣ для пользы училища. Скворода согласился быть лаврскимъ учителемъ; но вскорѣ ему всгрустнулось по родной Малороссіи, и онъ оставилъ училище.

Скворода пріѣхалъ опять въ Переяславъ, „оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“. Не успѣлъ

онъ прибыть туда, какъ разумный Тамара употребилъ всеѣ
 усилія, чтобы вернуть его себѣ. Не смотря ни на какія
 упрашиванія знакомыхъ помѣщика, Сковорода упорно отказы-
 вался отъ предложенія снова поступить къ его сыну учите-
 лемъ, зная гордость Тамары. Но одному знакомому удалось
 хитростію привезти его ночью, соннаго, въ домъ Тамары, гдѣ
 и уговорили его остаться; при чемъ онъ рѣшительно отка-
 зался на дальнѣйшее время отъ срока и отъ всякихъ обя-
 зательныхъ условій, обѣщая и безъ этого быть исправнымъ.
 Случилось это со Сковородою въ 1758 году. Значить, со вре-
 мени его петербургской жизни прошло 14 лѣтъ, и онъ всту-
 пилъ въ 36-й годъ жизни. Въ то время старикъ Тамара уже
 оставилъ прежнюю свою спѣсь и началъ цѣнить людей по
 внутреннему ихъ достоинству. Обласкавъ Сковороду, онъ
 просилъ его быть сыну его другомъ и руководителемъ въ
 прохожденіи наукъ. Любовь и откровенность болѣе всего
 дѣйствовали всегда на Сковороду. Поселясь въ деревнѣ и
 обезпечивъ свои первыя нужды заботливостію любезнаго
 хозяина, онъ предался любомудрію и исканію истины. На
 свободѣ, среди уединенія, мысли его просились къ перу, и
 онъ сочинялъ стихи на тему: „ходя по землѣ, обращайся на
 небесахъ“¹⁾. Въ числѣ другихъ Сковорода написалъ стихо-
 твореніе: „оставь, о духъ мой вскорѣ!“.. Прочтя его, старикъ
 Тамара сказалъ: „другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ
 духа и слова!“ По истеченіи нѣкотораго времени молодому
 Тamarѣ выпало на долю перейти въ другой кругъ жизни;
 Сковородѣ также готовила судьба новое поприще. Сохранилось
 письмо отъ 6 марта 1788 года за подписью: „Василій Та-
 мара“, показывающее, какую беззавѣтную преданность сохра-
 нилъ въ своемъ сердцѣ ученикъ къ бывшему своему учи-
 телю. „Любезный мой учитель Григорій Саввичъ! Письмо

¹⁾ Эти стихи помѣщены въ рукописномъ сборникѣ Сковороды, „Садъ-
 божественныхъ пѣсней“, подъ № 2.

ваше чрезъ корнета Кислаго получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василя, по наружности, можетъ быть, и не несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то-бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Скворода. Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему—Василію Тамарѣ“.

26 апрѣля 1758 года прибылъ въ Бѣлгородъ на епископскую кафедру Іоасафъ II Миткевичъ. Онъ пригласилъ къ себѣ извѣтнаго ему по старой пріязни игумена Переяславскаго монастыря, Гервасія Якубовича, раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружескую жизнь. По пріѣздѣ въ Бѣлгородъ Гервасій, замѣтивъ ревность Іоасафа къ наукамъ, заговорилъ о Сквородѣ; епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія и предоставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ подчиненномъ ему харьковскомъ коллегіумѣ: „по указу бѣлгородской консисторіи, данному ректору коллегіума, архимандриту Константину Бродскому (изъ префектовъ московской академіи), вмѣстѣ съ префектомъ игуменомъ Лаврентіемъ Кордетомъ¹⁾, отъ 11-го августа 1759 года, за подписью преосвященнаго Іоасафа, по случаю перемѣщенія нѣкоторыхъ наставниковъ коллегіума въ Бѣлгородъ, для разныхъ назначеній, повелѣно студенту богословскихъ наукъ Григорію Сквородѣ, быть учителемъ піитики въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ числѣ другихъ наставниковъ, вышедшихъ изъ кievской академіи“²⁾. Скоро по вступленіи Сквороды въ должность

¹⁾ „Молодикъ“ 1843 г. стр. 30.

²⁾ „Духовная Бесѣда“ 1862 г. т. XVII стр. 345.

преподавателя коллегіума, разнеслась по Харькову молва объ его необыкновенной учености, краснорѣчии и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестіи. Въ это время онъ одѣвался просто, но прилично; пищу принималъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и питался только овощами, плодами да молокомъ; мяса же и рыбы совсѣмъ не употреблялъ. Прошелъ учебный годъ, и Скворода пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іоасафу отдохнуть послѣ трудовъ. Епископъ, полюбившій Сквороду за свѣтлый умъ и свободу отъ мірскихъ заботъ, свойственную только посвятившимъ себя особенному служенію Богу, хотѣлъ удержать его долѣе при коллегіумѣ и для этого поручилъ Гervasію уговорить его принять монашество, обѣщая скоро довести его до высокаго духовнаго сана. Гervasій началъ по-пріятельски совѣтывать ему вступить въ монашеское званіе, ссылаясь при этомъ на желаніе архіерея, на благоплодность этого званія для церкви и на связанный съ нимъ почетъ и счастливую, по его мнѣнію, жизнь. Скворода не согласился принять монашество, и между нимъ и Гervasіемъ возникли холодныя отношенія. Тогда Скворода, на третій день по пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гervasія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ напутственнаго благословенія. Гervasій понялъ его намѣреніе и, не глядя на него, благословилъ его съ досадою. Скворода отправился къ новому своему пріятелю, въ деревню Старицу, въ окрестностяхъ Бѣлгорода. Когда о. Гervasій донесъ Іоасафу о поступкѣ Сквороды, добродушный епископъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ.

Старица, куда удалился Скворода, представляла изъ себя пустынное мѣсто, богатое лѣсами, ручьями, долинами, благопріятствующими глубокому уединенію. Здѣсь онъ принялся изучать себя, и на эту тему писалъ сочиненія. Между тѣмъ Іоасафъ, не теряя изъ виду Сквороды, хотѣлъ снова привлечь его къ себѣ, любезно принялъ и предложилъ ему должность учителя, какую желаетъ. Скворода охотно при-

нялъ предложеніе епископа и сталъ читать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался въ Харьковѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Ковалѣнскимъ, съ которымъ познакомившись недавно, полюбилъ его, какъ новаго своего друга. Ковалѣнскій съ жадностію вступивался въ разказы и наставленія новаго своего учителя (раньше онъ учился въ коллегіумѣ), поводомъ къ которымъ служило чтеніе разныхъ книгъ. Ему прежде внушали дѣломъ и словомъ, что счастье человѣка состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и праздномъ веселіи; а Скворода говорилъ (и словамъ его отвѣчала и жизнь его), что истинно счастливымъ можетъ быть названъ только тотъ, кто ограничиваетъ свои желанія, избѣгаетъ всякихъ излишествъ, обуздываетъ похоть и честно исполняетъ возложенныя на него промысломъ Божиимъ обязанности. Ковалѣнскому твердили, что одно состояніе человеческой жизни лучше другаго и къ одному состоянію Господь благоволитъ болѣе, нежели къ другому. Скворода училъ: „всѣ состоянія добры, и Богъ, подѣливъ общество людей на различныя состоянія, соединилъ ихъ во взаимныхъ потребностяхъ, и никого не обидѣлъ. Если же Онъ не благоволитъ къ кому, то только къ сынамъ противленія, которые, не прислушиваясь къ голосу своей природы, вступаютъ въ состоянія по своимъ страстямъ и обманчивымъ видамъ. И такъ какъ они не испытали въ себѣ врожденной склонности, то и предавъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ непотребная“. Ковалѣнскій, внимая такимъ рѣчамъ Сквороды, почувствовалъ въ себѣ страшную борьбу мыслей и не зналъ, какъ утишить ее. Сверстники внушали ему отвращеніе къ Сквородѣ, совѣтовали не только прервать знакомство съ нимъ, но даже видѣться съ нимъ. Томимый борьбою понятій, молодой человѣкъ вскорѣ, именно въ 1763 году, увидѣлъ такой сонъ: на голубомъ небѣ показались ему золотыя начертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ печь огненную, Ананіи, Азаріи и Мисаила; отъ этихъ золо-

тыхъ словъ сыпались на Сковороду, стоящаго съ поднятыми вверхъ правой рукой и лѣвой ногой (какъ изображается иногда проповѣдующій Іоаннъ Креститель), искры, изъ которыхъ нѣкоторыя отскакивая отъ него, падали и на стоящаго тутъ же Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, бодрость, спокойствіе и довольство духа. По утру, вставъ рано, молодой человѣкъ разсказалъ этотъ сонъ почтенному старику, троицкому священнику Бор., у котораго онъ квартировалъ. Старикъ подумалъ и сказалъ: „молодой человѣкъ! слушайтесь этого мужа; онъ данъ вамъ отъ Бога ангеломъ руководителемъ и наставникомъ“. Съ того времени Ковалѣнскій подружился съ Сковородою. Желая перевоспитать своего юнаго друга, Сковорода приглашалъ его въ поздніе лѣтніе вечера за городъ и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, говорилъ о безразсудной боязливости людской предъ мертвыми. Иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя молодого человѣка между гробовъ одного, какъ бы для того, чтобы издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувства своего ученика. Продолжая преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ, Сковорода греческому языку обучалъ и своего друга. При этомъ онъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона¹⁾, Цицерона, Горація, Лукіана, Климента Александрійскаго, Оригена, Нила, Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника; новые писатели шли съ ними рядомъ. Во главѣ же всего стояла Библія.

Въ августѣ 1764 года Сковорода отправился съ Ковалѣнскимъ въ Кіевъ. Здѣсь они осматривали древности, и Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. Многіе изъ бывшихъ учениковъ его, родственниковъ и знакомыхъ, поступившихъ монахами въ Печерскую лавру, уговаривали его принять мо-

¹⁾ По словамъ Ковалѣнскаго, *Филонъ Іудейскій* былъ въ числѣ „любимѣйшихъ авторовъ“ Сковороды.

нашество: „Полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, св. лавра приметъ тебя, какъ свое чадо, ты будешь столпомъ церкви и украшеніемъ обители!“ говорили ему разъ монахи. „Довольно и васъ“... отвѣчалъ имъ Скворода, мнѣ ли грѣшному скрывать святость сердца въ ризѣ?“ Черезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой, а Скворода остался въ Кіевѣ, по просьбѣ своего родственника, печерскаго типографа, Іустина. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже возвратился въ Харьковъ. Украину онъ предпочиталъ Малороссіи за свѣжій воздухъ и чистыя воды. „Онъ обыкновенно,—замѣчаетъ Ковалѣнскій, называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткой, по жительству въ ней и по любви къ ней“.

Харьковскимъ губернаторомъ былъ тогда Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ не получившій школьнаго образованія, но одаренный отъ природы здравымъ разсудкомъ, поклонникъ талантовъ, наукъ и искусствъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ довольно свѣдущъ. Наслышавшись много о Сквородѣ, Щербининъ хотѣлъ его видѣть. Вотъ что передаютъ о первой встрѣчѣ его съ Сквородой. Губернаторъ ѣхалъ по улицѣ, въ щегольскомъ рыдванѣ и съ гайдуками, и, замѣтивъ Сквороду, сидѣвшаго на тротуарѣ, послалъ къ нему адъютанта. — „Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!“ — „Какое превосходительство?“ — „Господинъ губернаторъ!“ — „Скажите ему, что мы незнакомы!“ — Адъютантъ смущенно передалъ отвѣтъ Сквороды. Щербининъ послалъ вторично. „Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!*“ „А!—отвѣтилъ Скворода:—объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!“ И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они познакомились. Щербининъ призвалъ какъ-то Сквороду къ себѣ, и въ бесѣдѣ съ нимъ спросилъ, отъ чего онъ не выберетъ себѣ какого-нибудь положенія. „Милостивый государь! отвѣчалъ Скворода: свѣтъ подобенъ театру. Чтобы представлять на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, нужно брать роли по спо-

собностямъ: ибо дѣйствующее лицо заслуживаетъ похвалы не по знатности роли, но за удачную игру. Я долго разсуждалъ объ этомъ, и по многомъ испытаніи увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простоты и смиренія; я избралъ эту роль и доволенъ“. Губернаторъ не безъ удовольствія сказалъ на это: „вотъ умный человѣкъ! онъ дѣйствительно счастливъ; меньше было бы на свѣтѣ дурачествъ, еслибы люди такъ разсуждали. Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычки, мнѣнія, предубѣжденіе“... „Если бы я почувствовалъ сегодня же, прервалъ Скворода, что могу безъ робости рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. При врожденной склонности трудъ пріятенъ. Собака бережетъ стадо днѣмъ и ночью по врожденной любви и терзаетъ волка также по врожденной склонности, не смотря на то, что и сама подвергается опасности быть растерзанною. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, такъ-какъ не имѣютъ природы къ тому“. Губернаторъ выслушалъ Сквороду и, отпуская его, просилъ ходить къ нему почаще. Но Скворода, строго держась выбранной имъ роли на театрѣ жизни, всячески избѣгалъ знатныхъ особъ, шумныхъ собраній и широкихъ знакомствъ, а любилъ бывать за-просто въ небольшомъ кругу откровенныхъ лицъ. Въ Харьковѣ онъ охотно посѣщалъ домъ одного старика, гдѣ устраивались музыкальные вечера, и Скворода, никогда не оставившій занятій музыкой, занималъ на нихъ первое мѣсто, пѣлъ и нерѣдко вытягивалъ трудныя соѳа на своей флейтѣ.

Въ 1766 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ харьковскомъ collegіумѣ, вслѣдствіе ходатайства Щербинина, были устроены такъ-называемые „прибавочные классы“, гдѣ вводились въ преподаваніе для благороднаго юношества нѣкоторые новые предметы, и между прочимъ, должны были преподаваться правила благодравія. Какъ способнѣйшій изъ наставниковъ, Скворода, которому исполнилось въ это

время уже 44 года, назначенъ былъ преподавателемъ благо-
 нравія. Конечно, преподавать правила благонаравія не то, что
 читать синтаксисъ или греческій языкъ, и Сковорода теперь
 достигъ того, къ чему, по особенностямъ своей натуры,
 усиленно стремился—возможности свободно и открыто, съ
 кафедры, преподавать то, что было близко его сердцу. Онъ
 былъ такъ доволенъ своимъ назначеніемъ, что даже не хотѣлъ
 брать за преподаваніе благонаравія опредѣленнаго по окладу жа-
 лованья, указывая на то, что удовольствіе отъ преподаванія этой
 науки замѣнить ему всякую награду. Въ предварительной лек-
 ціи Сковорода высказалъ нѣкоторыя свои мысли и отозвался о
 малопросвѣщенныхъ своихъ сослуживцахъ со всею прямою
 своего цѣлостнаго характера. „Весь міръ спитъ (нравственнымъ
 сномъ)! говорилъ онъ во вступительной части лекціи,— да еще
 не такъ спитъ, какъ сказано: еще упадетъ, не разбѣется;
 спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибленъ! А наставники
 не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще:
 спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!“ Волненіе
 было готово. Но блестящій финалъ этого впереди, и скоро
 всё заглохло. Сковорода началъ читать свои уроки, читалъ
 ихъ увлекательно, великолѣпно, такъ-что пріобрѣлъ и гром-
 кую славу у друзей ¹⁾, и сильную ненависть у враговъ! Въ
 руководство ученикамъ скоро написалъ онъ свою „Начальную
 дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства
 Харьковской губерніи“ ²⁾, представлявшую какъ-бы конспектъ
 читанныхъ имъ лекцій; далъ её, по просьбѣ друзей, нѣкото-
 рымъ для прочтенія, и тогда-то буря востала на него всею
 силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностію читали её;
 но зависть къ талантамъ даровитаго наставника многимъ не

¹⁾ Друзей Сковорода имѣлъ и между учителями коллегіума, напр. учителя
 риторіи, Двигубскаго („Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 107).

²⁾ Нѣсколько страницъ изъ нея помѣщено въ Сіонскомъ Вѣст.“ 1806 г.
 ч. III.

давала покоя и сдѣлала даже нѣкоторыхъ друзей его явными недругами. Не осталась для Сковороды безъ неприятныхъ послѣдствій и проповѣдь, сказанная имъ въ праздникъ Преображенія Господня на текстъ: „убуждшеса видѣша славу Его“ (Лук. 9, 32), въ которой проводились мысли, не совсѣмъ доступныя тогдашнимъ украинскимъ ученымъ, и тѣмъ не мало напугавшія товарищей Сковороды, понявшихъ содержаніе проповѣди по своему¹⁾. Въ сочиненіяхъ Сковороды, по сознанію его враговъ, будто бы найдено много сомнительнаго и потому ему назначены были диспуты, для защиты его положеній. Сочиненія разобраны на диспутахъ съ самой дурной стороны, всё истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковороду заподозрили въ такихъ мысляхъ, какія ему и въ голову не приходили. Сковорода, питавшій органическое отвращеніе къ какимъ бы то ни было изворотамъ въ словѣ, опровергалъ своихъ противниковъ умно и бойко; всѣ, присутствовавшіе на диспутахъ, приходили въ восторгъ отъ его основательныхъ доводовъ въ свою защиту и отъ его страстнаго стремительнаго краснорѣчія. При всемъ томъ Сковорода долженъ былъ удалиться на время изъ Харькова, отказавшись отъ должности учителя.

Влекомый любовью къ уединенію, Сковорода удалился въ имѣніе помѣщиковъ Земборскихъ, Гужвинское, недалеко отъ Харькова, покрытое лѣсомъ, въ глуши котораго находилась пасѣка, съ хижиной пчельника. На этой пасѣкѣ, у добродушныхъ хозяевъ, поселился онъ, укрываясь отъ людской молвы и злословій. Здѣсь онъ написалъ первое полное свое сочиненіе „Наркизъ“, или о томъ: „познай себя“, и книгу „Асханъ“, о познаніи самого себя²⁾.

„Лжемудрое високоуміе, продолжаетъ біографъ Сковороды,

¹⁾ „Дух. Весѣда, 1863 г., т. XVII, стр. 347.

²⁾ „Асханъ“, о познаніи себя, безъ имени автора, издана въ Петербургѣ какимъ-то Антоновскимъ, уже послѣ смерти Сковороды.

Ковалѣвскій, не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мяса и вина и самъ не употребляетъ ихъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь манихейская, проклятая на всѣхъ соборахъ; то законословы и дали ему прозваніе манихейскаго ученика. Кромѣ того, его обвинили въ томъ, что онъ называетъ вредными золото, серебро, дорогія одежды и пр. цѣнныя вещи: созданныя Богомъ, и что, слѣдовательно, онъ богохульникъ. Поелику же Сковорода удаляется отъ людей въ лѣса; то изъ этого выводили, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и назвали его мизантропомъ, человѣконенавистникомъ. Узнавши объ этомъ, Сковорода поспѣшилъ явиться въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашель подходящій случай паразитить своихъ враговъ. „Было время, говорилъ онъ, и теперь бываетъ, когда я воздерживаюсь, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь возбраняетъ, напр., чеснокъ тому, у кого вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все сотворено во благо всецѣлымъ Творцемъ, но не все всегда бываетъ полезно. Правда, нѣкоторымъ я совѣтывалъ осторожно обходиться съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсемъ избѣгать этого, принимая въ соображеніе ихъ пылкую юность. Но когда отецъ беретъ изъ рукъ малолѣтняго сына ножъ и не позволяетъ ему шутить съ оружіемъ, самъ однакоже пользуясь всѣмъ этимъ; то не ясно ли, что сынъ еще не можетъ надлежаще владѣть этими вещами и употреблять ихъ въ пользу, для которой онѣ изобрѣтены. Вотъ почему прозвали меня манихейскимъ ученикомъ. Не ложно то, что всякій родъ пици и питія полезенъ и здоровъ; но нужно при этомъ обращать вниманіе на время, мѣсто, мѣру, личность. Не вредно ли было бы дать грудному младенцу крѣпкой водки, или не смѣшно ли подать стаканъ молока въ потѣ лица работающему цѣлый день на морозѣ дровосѣку въ подкрѣпленіе его силъ? Какъ несправедливо привяли меня за Манихея,

такъ и незаслужено обозвали меня челоѣконенавистникомъ и ругателемъ даровъ Божіихъ“. Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Простившись со всѣми, Скворода отправился въ новое еще уединеніе.

Въ изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, жили тогда дворяне Сошальскіе; младшій братъ ихъ привязался къ Сквородѣ и просилъ его пожить у него нѣкоторое время. Скворода поѣхалъ съ нимъ въ его деревню, Гусинку, полюбилъ и мѣсто и хозяина, и поселился у него не вдалекѣ отъ деревни, по своему обычаю, на пасѣкѣ. Безмолвная тишина и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. „Многіе спрашиваютъ, писалъ Скворода къ бывшему своему ученику, Ковалѣнскому, уѣхавшему на службу въ Петербургъ, что дѣлаетъ Скворода, чѣмъ занимается? Я же во Господѣ радуюсь, веселюсь о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ челоѣческой жизни, главная цѣль всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла каждаго челоѣка сюда направляются. Всякому свое радованіе мило, а же „поглумлюся, позабавлюся“ въ заповѣдяхъ Вышняго. Всѣ переходить въ скуку и омерзѣніе, кромѣ этой забавы“. Въ 1770 году Скворода отправился съ Сошальскими въ Кіевъ и остановился у своего родственника Іустина, теперь уже начальника Китаевской пустыни, близъ Кіева. Прошло три мѣсяца, проведенныхъ имъ съ удовольствіемъ. „Вдругъ, по словамъ Ковалѣнскаго, онъ замѣтилъ въ себѣ испонятное движеніе духа, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Онъ сталъ просить Іустина отправить его въ Харьковъ. Родственникъ упрашивалъ его еще остаться. Скворода настаивалъ на своемъ. Іустинъ заклиналъ всѣми святыми не бросать его. Тогда Скворода обратился къ другимъ своимъ кіевскимъ пріятелямъ съ просьбой отпустить его въ Украину. Тѣ также удерживали его, но онъ отговаривался тѣмъ, что ему духъ велитъ удалиться изъ Кіева. Между тѣмъ, онъ пошелъ на Подоль. Спускаясь туда по горѣ, Скворода внезапно остановился, и,

почувствовавъ сильный трупный запахъ, не могъ долѣе идти впередъ, воротился въ Китаевъ и къ великому неудовольствію о. Густина на другой день отправился въ дорогу. Черезъ двѣ недѣли онъ былъ уже въ Ахтырскомъ монастырѣ, у своего пріятели, архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе монастыря и радушіе этого монаха успокоивающимъ образомъ подѣйствовали на него. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ вдругъ получило извѣстіе изъ Кіева о появленіи тамъ моровой язвы или чумы, о которой во время пребыванія въ Кіевѣ Сковороды ничего не было слышно ¹⁾. Это извѣстіе произвело на него такое сильное дѣйствіе, что отразилось на его религіозномъ настроеніи: „сердце его до того времени, говоритъ Ковалѣнскій, почитало Бога, какъ рабъ, теперь же возлюбило Его, какъ другъ“. Погостивши нѣкоторое время у о. Венедикта, онъ опять поѣхалъ въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и погрузился въ свои любимыя занятія.

Съ 1775 года, когда Сковородѣ было уже 53 года, началась его постоянная странническая жизнь по Украинѣ, и продолжалась почти 20 лѣтъ, до самой смерти его.

Полюбивъ Тевяшева, воронежскаго помѣщика, онъ про-

¹⁾ Эта моровая язва появилась въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1870 года. Только Михайловскій монастырь остался свободенъ отъ общаго бѣдствія; на Подолѣ же оно свирѣпствовало съ страшною силою. Народъ пришелъ въ уныніе; начальство потеряло голову до такой степени, что губернаторъ повѣрилъ плѣнному турку, который обѣщался избавить Кіевъ отъ заразы. Турокъ написалъ на своемъ языкѣ нѣсколько записокъ слѣдующаго содержанія: „Великій Мугамедъ! на сей разъ помилуй ты христіанъ и спаси ихъ отъ язвы, ради избавленія нашего отъ плѣна!“ Записки эти были привязаны къ шестамъ и выставлены на колокольняхъ подольскихъ церквей, но не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ возбужденія народнаго неудовольствія. Гораздо удачнѣе было другое распоряженіе начальства. Городъ былъ оцѣпленъ солдатами, но довольно рѣдко, такъ что это не помѣшало студентамъ академіи разбѣжаться отъ испуга и завести заразу по окрестностямъ. Въ это тяжелое время много утѣшалъ кіевлянъ своими замѣчательными проповѣдями о. Леванда. См. „Кіево-Софійск. пр. I. Леванда“, Кіевъ, 1879 г., стр. 15—20.

живаль у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе „Икона Алкивіадская“, которое и посвятилъ ему въ знакъ своей къ нему признательности. Потомъ онъ гостилъ въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради красиваго мѣстоположенія, жилъ также у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Ивановкѣ (или Панъ-Ивановкѣ) у Ковалевскаго, у своего друга, Ковалѣнскаго, въ с. Хотетовѣ, близъ Орла, въ монастыряхъ Старо-харьковскомъ (нынѣ куряжскомъ), Харьковскомъ училищномъ Покровскомъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ (упраздненномъ), Святогорскомъ, Сеннянскомъ (также упраздненномъ). Въ особенности же онъ любилъ Харьковъ и часто посѣщаль его. Новый начальникъ тамошній, услыша о немъ, хотѣлъ видѣть его. При первомъ же знакомствѣ губернаторъ спросилъ его: „о чемъ учить Библія?—“О человѣческомъ сердцѣ, отвѣчалъ Сковорода: поваренныя книги ваши учать, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя,—какъ звѣрей ловить, модныя,—какъ наряжаться, а св. Библія учить, какъ облагородивать сердце человѣческое“. Одинъ изъ украинскихъ ученыхъ тутъ же спросилъ его: „что такое философія?—“Главная цѣль человѣческой жизни, отвѣчалъ Сковорода. Всякій имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякій имѣетъ главную цѣль. Одинъ старается дать жизнь своему чреву, другой—глазамъ, третій—волосамъ, тотъ—ногамъ, этотъ же одеждамъ и прочимъ неодушевленнымъ предметамъ; философія или любомудріе стремится предоставить жизнь нашему духу: сердцу—благородство, мыслямъ—ясность. Если духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли ясны, сердце спокойно, то всё свѣтло, счастливо и блаженно. Это и есть философія“.

Изъ Харькова Сковорода надолго отправился снова въ Гусинку, „въ любимое свое пустынножителство“. Когда усталость отъ постояннаго напряженія мыслительной силы заставляла его переменить свое занятіе, „тогда, по словамъ Ковалѣнскаго, приходилъ онъ къ престарѣлому пчельнику, недалеко жившему на пасѣкѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество своего любимаго пса, и трое, составя общество, раздѣ-

ляли между собою вечерю“. „Ангель, мой хранитель, такъ писалъ онъ къ одному своему другу отъ 19 февраля 1779 года, нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Страсть, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои съ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ меня. А что дѣлаю въ пустыни? Не спрашивайте? Недавно о мнѣ нѣкто спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ тамъ дѣлаеть? Еслибъ я отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрей, тогда бы Сковорода казался имъ занять дѣломъ. А безъ этого думаютъ, что я празденъ, и не безъ причины удивляются. Правда, только ли развѣ всего дѣла для человѣка—продавать, покупать, жениться, посягать, воевать, судиться, портняжить, строиться, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна причина нашей бѣдности: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ потребностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу нашего тѣла, нашу душу. Забыли мы себя за неключимымъ нашимъ рабомъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Какая же намъ отсюда тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ тѣлега, по пословицѣ, кромѣ колесъ—одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такая, каковы у шварбутика или подагрика ноги, или матросскій козырекъ, не стоящій алтына. Она въ насъ расслаблена, грустна, своенравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ недовольна, гнѣвлива, тощая, блѣдна, точно такая, какъ пациентъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ превозноситъ ее портретами и пѣснями, сиречь, одами величаетъ, не жалобны ли для нея оныя

пророческія сонаты: „въ тайнѣ восплачется душа моя“ (Іеремія), „взволнуются... и почти не возмогутъ“ (Исаія). Если самый центръ души гніеть и болитъ, кто или что увеселить ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возведите очи къ гавани. Не забудьте себя среди избилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а второго много ли? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна ли? Сіе-то есть? „Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ“. Объ этомъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Скворода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ больше всего. Даль бы по одному блину и всему Израилю, еслибъ былъ Давидомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себя скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустыни“.

Подъ конецъ своей жизни Скворода, 73-лѣтній старецъ, удрученный болѣзнями, не взирая ни на дальность пути, ни на непрерывно мокрую осеннюю погоду, отправился въ с. Хотетово, къ другу своему, Ковалѣнскому, который, послѣ продолжительной разлуки, желалъ видѣть его и предлагалъ ему свой домъ, какъ тихую пристань по долгому странствованіи. Скворода привезъ ему свои сочиненія и самъ читалъ ихъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разными разсужденіями. Много толковалъ онъ тутъ о сектахъ. „Всякая секта, говорилъ Скворода, пахнетъ собственностію, а гдѣ собственность, тамъ нѣтъ главной цѣли, или главной мудрости. Я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но для этого не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, какъ самонуждѣйшій для человѣческаго блага, всеобщъ и напечатанъ на сердцѣ каждаго, данъ каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ“.—Завождая рѣчь о свящ. Писаніи, Скворода говорилъ: „многіе не понимая меня или не желая понять, клеветуютъ,

будто бы я отвергаю исторію Ветхаго и Новаго завѣта, потому что признаю въ ней духовный разумъ, чувствую богописанный законъ и усматриваю Суцдаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю этимъ исторію, а не разоряю: ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и свящ. Писаніе— безъ вѣры; вѣра же невидимымъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, его неустрашимость, мужество, храбрость, то этимъ не уничтожаю ни его наряда, ни его оружія. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава этой исторіи есть духъ воина, его дѣла. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу его симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя это къ искусству архитектора, къ красотѣ цѣлаго, исключаю ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего изъ того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но чрезъ то не отвергаю его внѣшняго вида. Читая свящ. Писаніе въ намѣреніи научиться богопочтенію, богобоязненности, любви къ ближнему, повиновенію начальству, покорности придерживающимъ властямъ, усовершенствованію сердца во всѣхъ отношеніяхъ, когда, напр., я найду исторію, какъ первосвященникъ Ааронъ бросилъ въ огонь и растопилъ тельца, сдѣланнаго евреями въ отсутствіе вождя и обоготворяемаго ими, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, всегда помня, что Библия не наука химія, а священная книга, обучающая человѣка, готоваго внимать ея ученію, чистотѣ нравовъ. Я обучаюсь отъ этой исторіи, что человѣческое сердце не можетъ быть безъ упражненія, и когда удаляется отъ сердца священная мысль, понятіе истины, духъ разума, то оно мгновенно повергается въ занятія подлыя, не согласныя съ высокимъ родомъ его, и чтить, величаетъ, боготворить презрѣнное, ничтожное, суетное. Этотъ разумъ исторіи назидаетъ меня, содѣйствуетъ моему внутреннему усовершенствованію много больше, чѣмъ какъ если бы я, узнавши, какъ золото моментально передѣлывать изъ всего и все въ него превра-

щать, занялся химіей и началъ богатѣть. Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствію ихъ и единству все исполняющаго духа ¹⁾. Но для чего стараюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ этомъ великомъ мірѣ, въ исторіи, а не научаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочной и растлѣнной, и провести мою волю непотоцленно по пути житейскаго моря.—Иногда разговоръ Сквороды съ Ковалѣвскимъ касался превратностей свѣта. „Онѣ суть то, чѣмъ должны быть: весна, лѣто, осень, зима суть свойства, неотдѣлимыя отъ суточного круга. Все содержимое во времени „коловратно“, конечно, измѣнчиво: неразумень, несчастливъ тотъ, кто требуетъ отъ него постоянства и вѣчности! Если же въ немъ нѣтъ постоянства, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія. Не говори мнѣ о высокихъ чувственныхъ душахъ. Слезы суть изліаніе природы, а не привязанностей (*Est quaedam flere voluptas*), и плакать въ свое время есть нѣкоторое утѣшеніе. Вѣчность ихъ! Одна вѣчность есть безпечность, постоянство, надежда. Вѣчность и время суть одинъ составъ, но не одно и то же: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ“.

Многіе въ окружности, желая видѣть Сквороду, пріѣзжали въ с. Хотетово. Такъ, однажды, орловскій губернскаго прокуроръ подошелъ къ нему и привѣтливо сказалъ: Григорій Саввичъ! прошу любить меня.—„Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Скворода, я еще не знаю“. Другой разъ, директоръ экономіи, желая познакомиться съ нимъ, говорилъ: я давно знаю васъ по вашимъ сочиненіямъ; прошу доставить

¹⁾ Невольно, припоминается здѣсь ученіе философа Лейбница о монадахъ въ ихъ предуставленной гармоніи.

миѢ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: „какъ зовутъ васъ“? Я называюсь такъ-то. „Имя ваше не скоро ложится на мое сердце“, былъ отвѣтъ Сковороды. Нѣкоторые изъ „высокомудрствующихъ“ завидовали его талантамъ и изъ зависти говорили: „жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея“.

Не прошло и трѣхъ недѣль, какъ Сковорода началъ просить своего друга отпустить его въ любимую имъ Украину; въ ея сырой землѣ онъ хотѣлъ сложить свои кости, и, не смотря на убѣжденія, на чрезвычайно ненастную погоду, усилившійся кашель и ослабленіе и на трудность путешествія, поѣхалъ въ Украину въ августѣ 1794 года. „Останься у меня провести хоть зиму!“ умолялъ его Ковалѣнскій. „Духъ мой велитъ миѢ ѣхать“, отвѣчалъ Сковорода, и другъ уже не сталъ его удерживать. Напутствуя его всѣмъ необходимымъ, сказалъ: „возьмите это; можетъ быть въ пути болѣзнь заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить!“.... „Ахъ, другъ мой! отвѣчалъ онъ: неужели я не приобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во браговременіи?“ При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: „можетъ быть, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда во всѣхъ твоихъ приключеніяхъ въ жизни то, о чемъ мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время“. По приѣздѣ въ Курскъ, онъ остановился, вслѣдствіе непрерывныхъ дождей, у архимандрита Амвросія; отсюда отправился далѣе, въ Гусинку, излюбленное свое пустынножителство, но подъ конецъ пути у него явилось побужденіе ѣхать въ Ивановку, слободу помѣщика Ковалевскаго, отстоящую отъ Харькова въ 35 верстахъ. Болѣзнь, преклонная старость, ненастье, усталость отъ пути мало-помалу приблизили его къ смерти. Сковорода прожилъ тутъ немного больше мѣсяца. По рассказамъ старожилловъ, послѣднимъ земнымъ жилищемъ его была небольшая отдѣльная

комнатка, выходившая окнами въ садъ. Но онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ и благочестивымъ, хотя крайне вспыльчивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Всегда почти на ногахъ еще, онъ часто говаривалъ: „духъ бодръ, но тѣло немощно“. Однажды къ помѣщику собрались сосѣди послушать Сковороду. За обѣдомъ Сковорода былъ необычно веселъ и разговорчивъ, даже шутливъ, рассказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Послѣ обѣда онъ вдругъ скрылся и, выбравъ удобное мѣсто на возвышенномъ берегу пруда, близь рощи и гумна, началъ рыть яму—узкую длинную могилу. Когда спросилъ его хозяинъ, что это, чѣмъ онъ занятъ? Сковорода отвѣчалъ: „пора, другъ, кончить странствіе! и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“—Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила съ надписью: „міръ ловилъ меня, но не поймалъ“... И Сковорода пошелъ въ свою комнатку, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, положилъ подъ голову свои сочиненія и сѣрую свиту, легъ сложивши на-крестъ руки и умеръ 29 октября, по утру на разсвѣтѣ, 1794 года,—умеръ такъ, какъ только можетъ желать умереть философъ. Погребли его на указанномъ имъ мѣстѣ. Вотъ надгробная надпись ему, составленная его другомъ, Ковалѣнскимъ:

„Ревнитель истины, духовный богочтецъ,

„И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.

„Любитель простоты и отъ суеты свободы,

„Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда

„Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы,

„Достойный для сердецъ примѣръ „Сковорода“.

Черезъ 20 лѣтъ, тѣло Сковороды было перенесено въ другое мѣсто и похоронено въ саду священника, по старанію

одного изъ признательныхъ его учениковъ, П. Мещерякова, который, кажется, издалъ въ послѣдствіи его портретъ съ вышеприведенною стихотворною эпитафіей. Скоро имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія и, большею частію, у тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ съ могилою „философа“: или умирали неожиданно владѣльцы этого мѣста, или, чаще всего, спивались съ кругу. Къ прискорбію, и доселѣ на могилѣ этого великаго человѣка нѣтъ достойнаго памятника.

Сковорода оставилъ послѣ себя не мало сочиненій философско-богословскаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Кромѣ того, отъ него осталось много стихотвореній и правоучительныхъ писемъ на русскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, адресованныхъ имъ къ многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ.

Вотъ собственноручный списокъ его философско-богословскихъ сочиненій:

Оригинальныя сочиненія.

1) Наркизь, узнай себя; 2) Симфонія: рѣчь: сохранию пути моя; 3) Неграмотный Марко; 4) Симфонія: аще не увѣси; 5) Алфавитъ міра, о природѣ; 6) Разговоръ кольцо или дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ; 7) Древній міръ; 8) Жена Лотова; 9) Брань архангела Михаила съ сатаною; 10) Икона Алкивіадская; 11) Бесѣда I. Сіонъ; 12) Бесѣда II. Сіонъ; 13) Бесѣда III. Двое; 14) Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ; 15) Благодарный Еродій, 16) Асханъ о познаніи себя; 17) О Христіанскомъ благодравіи или Катихизисъ; и 18) Израильскій змій или о древнемъ змѣи или еще о Библии.

Переводы:

1) О старости Цицероновой; 2) О Божіемъ правосудіи; 3) О смерти...; 4) О храненіи отъ долговъ; 5) О спокойствіи души; 6) О возжелѣннн богатствъ; и 7) Объ уединеніи... Сидронія. Всѣ это сочиненія Плутарха, кромѣ послѣдняго.

Изъ стихотвореній Сквороды болѣе другихъ извѣстна его полудуховная, потусатирическая пѣсня:

„Всякому городу нравъ и правà,

„Всяка имѣеть свой умъ голова.

„Всякому сердцу своя есть любовь,

„Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.

„А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,

„А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

—

„Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,

„Оедька купецъ при аршинѣ всё лжетъ.

„Тотъ строить домъ свой на новый манеръ,

„Тотъ всё въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,

А мнѣ одно только не идѣтъ съ ума!

—

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтà,

Сей иностранны заводить скотà,

Тѣ формируютъ на довью собакъ,

Сихъ шумить домъ отъ гостей, какъ кабакъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,

А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

—

Строить на свой тонъ юриста правà,

Съ диспутъ студенту трещить голова.

Тѣхъ беспокоить Венеринъ амуръ,

Всякому голову мучитъ свой дуръ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думѣ,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

—

Смерте страшна, замашная косо!

Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!

Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь!

Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ!

Кто-жь на ея плюетъ острую сталь?...

Тоть, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь ¹⁾!

Это стихотвореніе тогда же было переложено на музыку и распѣвалось бродячими пѣвцами, называемыми „слѣпцами-бандуристами“ на ярмаркахъ, перекресткахъ большихъ дорогъ и подъ окнами домохозяевъ. Эта пѣсня Сквороды, какъ и нѣкоторыя другія его сатирическія пѣсни, извѣстныя въ Малороссіи болѣе подъ именемъ „псалмовъ“ или „думъ“, въ которыхъ обличается имъ жизнь высшихъ классовъ общества, съ ея праздною и вредною суетою, съ ея отсутствіемъ истиннаго содержанія и смысла,—такъ усвоилась вездѣ въ малороссійскомъ народѣ, что вошла въ циклъ произведеній народнаго пѣсеннаго творчества и имѣетъ теперь уже нѣсколько вариантовъ.

Образцы правоучительныхъ писемъ Сквороды приводились нами выше, хотя и въ отрывкахъ.

Нѣкоторыя сочиненія Сквороды изданы въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества ²⁾. Болѣе или менѣе полное собраніе его произведеній вышло въ 1860 году въ Петербургѣ въ одномъ небольшомъ томикѣ. Неизданныя его сочиненія хранятся у разныхъ частныхъ лицъ.

¹⁾ Эта пѣсня помѣщена въ сборникѣ Сквороды „Садъ божественныхъ пѣсней“, подъ № 10.

²⁾ Изъ изданій этого „Общества“ подъ руками у насъ было сочиненіе Сквороды: „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ“, посвящ. В. С. Тевяшеву.

II.

Изъ всѣхъ произведеній Сковороды самое большее вліяніе имѣли на народъ его сатирическія пѣсни, въ которыхъ замѣчается присутствіе нравоучительнаго элемента: „А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума, какъ-бы умерти мнѣ не безъ ума“, говорится въ пѣсни „Всякому городу нравъ и права“. Эта-то нравоучительная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои украинскаго общества, тѣмъ болѣе, что она оправдывалась примѣромъ его собственной жизни, дѣйствовавшей на народъ сильнѣе всякихъ его произведеній. Уваженіе къ личности Сковороды простиралось до такой степени, что почитали за особенное благословеніе Божіе тому дому, гдѣ останавливался онъ хотя на одинъ день. Сковорода предпочиталъ всему уединенныя пасѣки, но жила въ домахъ сельскихъ священниковъ, и въ монастыряхъ, и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ, впрочемъ, лѣтомъ спалъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ. За отсутствіемъ въ то время въ Слободской Украинѣ науки и литературы, къ Сковородѣ стремились всѣ лучшіе тогдашніе умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имъ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты настежь. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать „странствующимъ университетомъ и академіей тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ“¹⁾, пока наконецъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, бессмертный подвигъ В. Каразина не послужилъ къ открытію на Украинѣ перваго университета. Каразинъ такъ легко успѣлъ въ своемъ дѣлѣ потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся дворянъ на огромную и по ны-

¹⁾ Г. П. Данилевскій, „Украинская Старина“, стр. 53.

нѣшнему курсу сумму въ 618,000 руб. для основанія университета были всѣ или ученики, или друзья, или короткіе знакомые Сковороды, такъ-что этотъ, можно сказать, безпримѣрный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія фактъ слѣдуетъ приписать не только драматическимъ жестамъ Каразина, на колѣняхъ умолявшаго дворянство о средствахъ на университетъ, но еще больше обаятельной личности Сковороды и той неустанной проповѣди, какую велъ онъ десятки лѣтъ. Сковорода могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но, что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: „давайте тѣмъ, кто нуждается больше меня“ и самъ довольствовался только простонародной свиткой съ „видлогою“. Эта простонародная свита, „чоботы“ про запасъ, посохъ—„журавль“ въ рукахъ, сопилка за поясомъ и „торба“¹⁾ съ нѣсколькими книгами и рукописями за плечами—вотъ все, что онъ имѣлъ. Потребности его были до-нельзя ограничены: ѣлъ онъ крайне умѣренно, и то разъ въ сутки, мяса не ѣлъ вовсе, изъ-за чего, какъ извѣстно, потерпѣлъ даже обвиненіе въ манихейской ереси. Живя въ Харьковѣ, въ качествѣ учителя коллегіума, онъ, по словамъ Ковалѣвскаго, „спалъ въ сутки не болѣе четырехъ часовъ; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, пѣшкомъ отправлялся за городъ гулять; всегда веселъ, бодръ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотливъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“. Крайнее ограни-

¹⁾ Магистръ Кіевской академіи, Симеонъ Рудзинскій до того уважалъ Сковороду, что даже описалъ и срисовалъ эту его торбу, оставленную у его отца.

ченіе потребностей тѣла, при постоянномъ духовномъ углубленіи и напряженіи и всецѣломъ сосредоточеніи на интересахъ духа, утончили нѣкоторыя способности Сковороды до необычайныхъ размѣровъ, и извѣстные случаи приписываемой ему современниками духовной прозорливости составляютъ явленіе объяснимое и психологически.

При всемъ томъ Сковорода совсѣмъ не былъ аскетомъ. Для этого онъ слишкомъ любилъ природу, музыку: флейта была неразлучною его спутницей; ходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои фантазіи. Онъ не уклонялся въ пріятельскихъ собраніяхъ отъ веселой бесѣды, хотя бы она даже и одушевлялась, по существовавшему въ то время обычаю, употребленіемъ малоросійской наливки. Въ концѣ своего письма къ харьковскому купцу Урюпину, отъ 2 іюля 1790 года, Сковорода выражается такъ: „пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего еленя тогда, *когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ. Достойно!—Боченки оба отсылаются, вашъ и Дубровина*“. По преданію старожилонъ, Сковорода разъ чуть было даже не женился, хотя остался все-таки холостякомъ. Случилось это съ нимъ въ Валковскихъ „хуторахъ“ около 1765 года, когда ему исполнилось уже 43 года. Свернувъ съ какой-то дороги на проселокъ, а отсюда на огороды, онъ очутился въ садикѣ, близъ пасѣки, гдѣ увидѣлъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Незнакомецъ познакомился съ отцемъ ея, оригинальнымъ „хуторяниномъ“, по прозванію „Майоръ“, часто бесѣдовалъ въ немъ, училъ его дочку; дочка заболѣла горячкой; онъ сталъ ее лѣчить. Тутъ Сковородѣ и приглянулась дочка Майора; его помолвили, поставили подъ вѣнецъ. Но природа мудреца беретъ верхъ, и онъ буквально ушелъ изъ-подъ вѣнца.

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ мѣстнаго общества, Сковорода особенно любилъ наставлять простой народъ, и его нравственное вліяніе на простолюдиновъ было весьма благодѣтельно. „Страсть его, говоритъ сенаторъ Лубяновскій¹⁾, лично видѣвшій Сковороду, была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до „обаченья“ съ любовью; у всѣхъ онъ былъ свой... Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и болѣе оставался, любили его, какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность, мнилъ такимъ образомъ приносить ближнему службу и имѣлъ отраду не въ одномъ мѣстѣ не находить уже ни прежнихъ, противныхъ чистотѣ нравовъ, обычаевъ, ни раздора, ни суевѣрія; утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ. Въ проѣздъ мой, продолжаетъ Лубяновскій, въ 1831 году чрезъ харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика крестьянина и вздумалъ спросить его, помнятъ ли они Сковороду. „Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и насъ добру, страху Божію и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Иисуса Христа. Когда начнетъ бывало рассказывать намъ страсти Господни, или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчится, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ“. Простонародность была для Сковороды, казачкаго сына, съ одной стороны естественнымъ проявленіемъ его симпатій, съ другой—сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ прекрасную природу Малороссіи, ея языкъ, пѣс-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1872 г., стр. 106. 7.

ни, нравы, обычаи, любилъ такъ, что не могъ разстаться съ родиной. Императрица Екатерина II слышала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу, и однажды, чрезъ князя Потемкина, послала ему приглашеніе изъ Украйны переселиться въ столицу. Посланный отъ Потемкина нашель Сковороду съ флейтою у дороги, возлѣ которой паслись овцы хозяина, пріютившаго его на время. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: скажите матушкѣ—царицѣ, что я не покину родины: „мнѣ моя свирѣль и овца дороже царскаго вѣнца“. По отношенію же собственно къ народу любовь Сковороды являлась въ освѣщеніи его сознательною мыслию. „Знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и пресыщаются, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ, и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду осязати: и я чѣловѣкъ, и мнѣ, что челоуѣческое, то не чуждо!“¹⁾. Что онъ разумѣлъ подь словомъ народъ,—ясно изъ всей его жизни: не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ, по оставленіи учительства въ школѣ, училъ всюду, гдѣ могъ—въ „хатахъ“, на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на панертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, „скачетъ пьяная воля“, и во дни страды, когда при бездождіи потъ поливаетъ землю. Да и въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ Сковорода не разъ называетъ свое ученіе „простонародною тканкою и плеткою“, а себя—другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, которые столь горды, что не хотятъ и говорить съ простолюдиномъ, и онъ гордится именемъ народнаго учителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. „Надо мною „позоруются“ (по поводу его учительства въ простомъ народѣ); пусть позоруются;

¹⁾ „Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть“.

о мнѣ „бають“, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай бають; на меня острять, что я звонарь для глугихъ, а глухому не до звону: пускай острять; они знаютъ свое, а я знаю свое, и дѣлаю свое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе“ ¹⁾. „Барская умность, пишетъ Скворода, будто простой народъ есть черный, кажется мнѣ смѣшною, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери родить живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа „вылонились“ бѣлые господа? Смѣшно и мудрованіе, что будто сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка, я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь. О, доктора и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворяются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ,—пускай спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякій сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснѣтся, когда намечтается, такъ очнется, и забодретуется“ ²⁾. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія произошло въ южной Россіи закрѣпощеніе крестьянъ ³⁾. Казачество, еще недавно главный элементъ общественнаго строя Малороссіи, перешло въ то время на положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, хлѣбопашцевъ и „чумаковъ“, безъ всякихъ притязаній на какое-либо политическое значеніе; казацкая старшина образовала новое дворянство; всѣ же свободные люди, какъ земельные собственники, такъ и безземельные, подпали крѣпостной зависимости отъ новыхъ дворянъ. И вотъ Скворода представляетъ изъ

¹⁾ Письмо къ архіею Григорію Конисскому изъ Нѣжина, 1769 г.

²⁾ „О внутреннемъ человѣкѣ“. Разговоръ І. Симфонія о народѣ. Гласъ II.

³⁾ См. „Русское Богатство“, 1894 г., № 2, стр. 29—52.

себя живой протестъ противъ развивавшагося крѣпостничества и униженія поселянъ въ несправедливомъ и обидномъ названіи ихъ „чернымъ народомъ“. На югѣ Россіи это былъ первый проблескъ литературнаго протеста противъ приниженія простаго народа, и потому Сковорода полагаетъ въ этомъ своемъ свѣтломъ ученіи „новую славу“. Въ одной изъ своихъ драмъ, или, по его надписанію, „видѣній“, онъ поэтически изобразилъ свою „прю“ съ бѣсомъ, враждовавшимъ противъ его новой славы¹⁾.

Вращаясь преимущественно въ средѣ простонародья, Сковорода старался изучить его природу, его волю, языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, „учитель—не учитель, а только служитель природы“. Эту мысль онъ прекрасно развилъ чрезъ уподобленія: „Сокола скоро научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Олея легко направишь на кавказскія горы и привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорныхъ водоточей, но не верблюда и не вепря. Всякое дѣло спѣеть собою, и наука спѣеть собою. Клубокъ самъ собою покотится съ горы, отними только препятствующій камень преткновенія. Не учи его катиться, а только пособляй“. Въ объясненіе этихъ словъ приведемъ еще мысли Сковороды о народномъ

¹⁾ „Демонъ: слышь „Варсава“! (псевдонимъ Сковороды: по еврейски варъ—сынъ Саввы). Младенческій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но научающая! Ты ли творецъ новыя славы?—Варсава: мы то, Божією милостію, рабы Господни и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—Демонъ: нынѣ, не обинуясь, провѣщай вину, отъ чего мое вѣжное жилище въ миріадъ кратъ многолюднѣе твоего новаго?—Варсава: темнорѣчишь! открой, если можешь, откровеннѣе бездну твоего сердца.—Демонъ: о, апокалипта! о, странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный источникъ новыя пустыни.—Варсава: и лжешь, и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути золотого или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Какой тетеревъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая ес рогомъ изобилія? Какой ягвѣнокъ не утрашится матери, творящейся волкомъ, и не прильнетъ къ волку, представляя его матерью? Не вину міра, не вину и славы новыя!.. Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!“ См. „Телескопъ“ 1835 г., ч. 26, стр. 163. 169, статья Хиждеу.

воспитаніи: „учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо „изводъ“ образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ и свойство „исты“ образованія, и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводъ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство восписывать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставъ же губку либо трутъ, не пожалѣй руки и ударъ кресаломъ и выкresiшь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ „трепетицею“, кланяться и просить займи мнѣ огня!.. Учителю подобаеъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь“.

Изъ-подъ простонародной внѣшности Сквороды въ значительной степени проглядывала та складка, которую наложили когда-то на него школьный схоластицизмъ. Вліяніе схоластической школы на Сквороду сказывается въ языкѣ его сочиненій, характерѣ изложенія и даже въ формѣ заглавій. Заглавіе его сборника „садъ божественныхъ пѣсней“ отзывается школьнымъ направленіемъ и напоминаетъ подобныя заглавія южно-русскихъ сборниковъ проповѣдей, какъ напр. „Огородокъ Божіей Матери“ Радивиловскаго. Не безъ вліянія школы, можно полагать, въ Сквородѣ окрѣпла склонность къ странничеству. Въ Малороссіи всегда были странствующія личности. Семинарское начальство, напр., отпускало иногда учениковъ на испрошеніе пособій, или репетицій. Такіе ходоки занимались большею частію пѣніемъ по домамъ

и церквамъ, или проживали у священниковъ и помѣщиковъ въ качествѣ домашнихъ наставниковъ¹⁾). Вольная жизнь лѣтомъ на воздухѣ, въ переходахъ изъ села въ село, вдали отъ сумрачныхъ классныхъ помѣщевій и строгихъ внушеній школьнаго начальства—все это выработывало въ школьникахъ наклонность къ странствованіямъ. Не трудно было подыскать для выработавшейся наклонности теоретическое основаніе, и философъ Скворода подыскалъ такое основаніе для своей страннической жизни. Вотъ что говоритъ онъ самъ о своей жизни: „что жизнь? То сонъ турка, упоеннаго опіумомъ,— сонъ страшный: и голова болитъ отъ него, сердце стенаетъ. *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными утѣсами,—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но-бодрствуй“! Малороссійскіе бродячіе элементы выражались еще въ формѣ такъ-называемыхъ „мандрованныхъ дяковъ“²⁾ и „старцевъ“. Дьячки въ старину нанимались въ Малороссіи, по добровольному соглашенію съ прихожанами, не только для чтенія и пѣнія въ церквахъ, но и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель дякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дяка, обыкновенно говорилъ ему: какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы!* т. е. не открывай своему ученику *всею*, чтобы ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы. Вотъ этого-то *всею* и старались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дячки. Для этого-то они и переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандровали“ по-малороссійски. Мандрованный дякъ являлся въ школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного

¹⁾ Они обезсмертили гоголевскаго Вія.

²⁾ См. „Отечественныя Записки“ 1864 г., т. СЛШ, стр. 273. Украинскій дякъ характерно обрисованъ Квиткой-Основьяненкомъ въ его Панѣ—Халадскомъ“.

учителя-дьяка, часть у другого, шель дальше и скоро становился самъ знающимъ всё, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый въ свою очередь выросъ на той-же поговоркѣ: „учи такъ, чтобъ не отбилъ школы“. Нѣкоторые изъ мандрованныхъ дьяковъ переходили изъ одной школы въ другую чуть ли не цѣлую жизнь. Одинъ, напр., ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ, другой—Козьма Парадинъ—цѣлыхъ 50 лѣтъ (съ 20 до 70 лѣтнаго возраста). Скитальчество послѣдняго вошло въ такую привычку, что даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни, и онъ на 70-мъ году жизни предсталъ предъ судомъ какъ безпаспортный¹⁾. Что касается старцевъ, то это были люди, оставшіеся, по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, безъ родства, и вынужденные жить постороннею помощію; но за эту помощь они платили знаніями и жизненнымъ опытомъ, приобретаемыми, по способу пѣшаго хожденія. Такую именно „простую, безпечную и уединительную“ роль мандрованного дьяка или старца и выбралъ себѣ Сковорода, съ тою существенною особенностію по сравненію съ ними, что онъ представлялъ изъ себя для современниковъ цѣлый „странствующій университетъ и академію“ и что для него были открыты двери не только крестьянскихъ избъ, но и панскихъ палатъ.

III.

Мы сказали, что Сковорода, при всей строгой жизни своей, всё-таки не былъ аскетомъ. Соотвѣтственно этому и философія его не была философіей самоотреченія и скорби, но скорѣе философіей самодовольства и счастья. Называя всякія почести „мышеловкой“ для души своей, Сковорода не разъ говаривалъ: „я всё пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человекъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему земля безъ платы, лишнее не нужно“.

¹⁾ Заселеніе харьковского края... Баталфа, 1889 г. стр. 27.

Нѣкоторые изъ современниковъ Сковороды сравнивали его съ Ломоносовымъ; но отъ этого сравненія самъ онъ благоразумно отказывался. „Меня, говорилъ Сковорода, хотя тѣ мѣрять Ломоносовымъ, какъ будто Ломоносовъ—казенная сажень, которую также всякаго должно мѣрять, какъ портной однимъ аршиномъ мѣрять и парчу, и шелковую матерію и рядину. Прошу господь не закрывать мнѣ своихъ восковыхъ чучель, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилить изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю и открыть новый свѣтъ“. Ближе къ истинѣ были тѣ изъ современниковъ, которые называли Сковороду русскимъ Сократомъ; ибо онъ и самъ избралъ въ образецъ своей дѣятельности Сократа, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста: „Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ... На Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не думаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка выводится цыплёнокъ. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, до тѣхъ поръ не быть ни своему Платону, ни другому философу. ...Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Скоро ли ниспослѣши намъ Сократа, который бы научилъ насъ прежде всего познанію себя, а когда мы познаемъ себя, тогда сами изъ себя выведемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная... Да святится имя Твое въ мысляхъ и помышленіяхъ раба Твоего, который *задумалъ и пожелалъ быть Сократомъ въ Руси*; но русская земля обширнѣе греческой, и не такъ-то легко будетъ ему скоро обхватить Русь своею проповѣдію. Да придетъ царствіе Твое, и тогда посѣянное зерно по слову Твоему взойдетъ яко кринь, и тогда я выпилъ бы стаканъ „цикуты“, какъ медовыя соты. Non fugio mortem, si famam assequar“...

И дѣйствительно, Сковорода, какъ „первый русскій фило-

1) „Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что вамъ нужно есть“.

софъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова¹⁾, во многомъ напоминаетъ собою отца греческой философіи—Сократа²⁾.

По ученію Сковороды, какъ и Сократа, основнымъ началомъ и условіемъ познанія является самопознаніе. „Троякое есть познаніе себя, говорить Сковорода, и кто не позналъ себя трояко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно, что ничего не знаетъ о себѣ. Первое познаніе есть познаніе себя какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, самосущаго, т. е. какъ человѣка, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго... Вспомни пословицу: всякъ Еремѣй про себя разумѣй. Всякій долженъ узнать себя, свою природу: чего она ищетъ? куда ведетъ? и какъ ведетъ? И ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но съ глубочайшею покорностію. Конь ли ты? Возьми сѣдока. Волъ ли ты? Носи ярмо. Песъ ли ты? Лови зайца. „Дарцею“ ли? Дави медвѣдя... Другое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія общезначительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т. е. какъ человѣка, сличеннаго съ другими „истою“ вѣры, закона, обычая и языка, и похожаго на другихъ людей, живущихъ вмѣстѣ на одной землѣ, которой имя, родина, отчизна, рѣчь общи. Всякій долженъ узнать свой народъ, и въ народѣ себя. Русь ли ты? будь ею: вѣрь православно, служи царитѣ (Екатеритѣ II) право, люби братію „нравно“. Ляхъ ли ты? ляхъ будь. Нѣмецъ ли ты? немѣчествуй. Французъ ли? французуй. Татаринъ ли? татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все прекрасно, что чисто природно, т. е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни тепелъ, ни холодень, да не изблюютъ тебя. Русь не русская представляется мнѣ диковинкою, какъ еслибы родился человѣкъ съ рыбимъ хвостомъ или съ собачьей

¹⁾ См. приложение къ переводу „Исторіи новой философіи“ Ибервега, сдѣланному Колубовскимъ.

²⁾ См. „Вопросы философіи и психологіи“, 1894 г., май, стр. 205 и д., статья Э. А. Зленогорскаго.

головою... Третье познание есть познание себя, какъ бытія со-твореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ человѣческимъ бытіемъ. Посреди насъ живетъ то, что есть превыше всего... По первому познанію ты узнаешь свое собство, почему ты Еремѣй и какой ты Еремѣй. По второму ты узнаешь свою стать: почему ты Русь? И какова Русь? По третьему ты узнаешь свою общность, почему ты человѣкъ? И что есть человѣчество? По всему ты узнаешь себя и от-лично и слично..." Сковорода не согласенъ съ тѣми филосо-фами, которые проповѣдывали одностороннее познание себя, и въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія даже для Со-крата. У Грековъ находитъ онъ трехъ апостоловъ самопо-знанія: „великаго незнакомца“, написавшаго на храмѣ дель-фійскаго оракула знаменитое: познай самого себя,—Солонъ и Сократа; но дельфійская надпись относится къ познанію себя, какъ *individuum'a*, Солонъ училъ познанію себя, какъ граж-данина *in statu*, Сократъ имѣлъ въ виду познание себя, какъ человѣка вообще *in genere*. „Что есть человѣкъ одинокій, спрашиваетъ Сковорода, удивляющійся отъ другихъ людей, погружающійся въ думу объ одномъ себѣ? Круглый сирота, безродное дитя, бездѣтный родитель. Что есть гражданинъ въ народѣ, чуждающемся другихъ народовъ, замкнутомъ въ своей наличности? То, что и его народъ, т. е. бытіе ражда-ющеся, существующее и раждающее и притомъ только въ пространствѣ, а не во времени, объединяющее собою мѣста, а не вѣка,—опредѣленіе: подлежащее географіи, а не исто-ріи. Что же есть тотъ, кто отождествляетъ себя въ познаніи съ цѣлымъ человѣчествомъ, космополитъ? Собака въ Езоповой баснѣ, которая нарочно упустила наличный кусокъ мяса, и бросила въ рѣку, чтобы уловить его тѣнь“. Спаситель, по убѣжденію Сковороды, первый училъ полному, т. е. тройко-му самопознанію.

Жизнь Сковороды, какъ и Сократа, развивалась изъ од-нихъ и тѣхъ же началъ: *энтузіазма*, погружавшаго его ко-

нечное сознание въ воодушевленное исповѣданіе безконечнаго и ироніи, представлявшей конечное въ формѣ шутки или забавы.

Къ своимъ философскимъ „догматамъ“ и къ своей миссіи, какъ проповѣдника этихъ догматовъ, Сковорода относился, можно сказать, съ религіознымъ энтузіазмомъ. Выдавая себя за русскаго Сократа, онъ восторженно спрашиваетъ: „И кто будетъ по нашемъ Сократѣ нашимъ Платономъ? что будетъ, то будетъ; а кто будетъ? Богъ вѣсть. Мое дѣло теперешнее, а то—*grata superveniet, quae non sperabitur hora*— само придетъ, когда настанетъ пора. Сковорода чувствуетъ, что настало время народженія философіи въ Россіи. Оно уже треплется во чревѣ матери своей; но только Елизавета слышитъ, какъ выгрался младенецъ во чревѣ ея. Что мнѣ есть любезнѣе на небеси и на земли: точию поучатися святыни? Обучаться и вмѣстѣ обучать браію добродѣтели...¹⁾ Согрѣлось мое сердце, и въ моемъ поученіи разгорается огонь; что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, а не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать“²⁾. Энтузіазмъ Сковороды доходилъ до того, что по временамъ его можно посчитать за настоящаго теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Ему въ энтузіазмѣ казалось, что его духъ, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности. Сковорода имѣлъ ясную и чисто логическимъ путемъ построенную философскую систему, о которой рѣчь впереди; но ему какъ-то холодно становилось на этихъ философскихъ высотахъ, и онъ погружался въ бездну мистическаго энтузіазма. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно обнаружился: 1) въ извѣстномъ его видѣніи, въ которомъ представлена борьба стараго и новаго образованія подъ видомъ „При бѣса съ Варсавой“, 2) въ разсужденіи „объ израильскомъ змѣѣ“, полномъ мистическихъ аллегорій и 3) въ сочиненіи „Лотова жена“, въ которомъ изложены главныя основанія его философской мистики.

¹⁾ „Софросана, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть“.

²⁾ Изъ письма къ протопопу Златѣскому изъ Обуховки, 1765 года.

Въ энтузіазмѣ Сквороды сказалось религіозно-мистическое направленіе духовнаго настроенія европейскаго и вмѣстѣ русскаго общества второй половины прошлаго вѣка, извѣстное подъ именемъ масонства. Заглавія прозаическихъ сочиненій Сквороды, какъ напр., „Начальная дверь къ христіанскому добродравію“, или Діалогъ—душа и нетлѣнный духъ“, составлены въ духѣ этого направленія. Скворода не былъ масономъ, но онъ воспитался въ той мистической средѣ, которая питала масонство и между нимъ и масонами можно находить общія точки соприкосновенія, напр. въ видѣ уклоненія его отъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ. Однажды, говоритъ преданіе, епископъ воронежскій Тихонъ III, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: „почему не ходите въ церковь“?—Если Вамъ угодно, я завтра же пойду“.—И онъ исполнилъ желаніе епископа. Другой разъ, въ церкви, въ тотъ моментъ, когда священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнёсъ: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“,—Скворода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная странности Сквороды и боясь приобщить нераскаившагося, спросилъ его: „знаешь ли ты, какой великій грѣхъ можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?“—Знаю и готовъ, отвѣчалъ Скворода, и духовникъ, вѣря его словамъ, приобщилъ его. Подобное равнодушіе къ церковной обрядности, при всѣмъ своемъ благочестіи, обнаружилъ Скворода и предъ смертію, когда онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, отказался было отъ исповѣди и св. причастія, но потомъ „представя себѣ совѣсть слабыхъ“, исполнилъ всё по уставу. Религіозный мистицизмъ окрѣпъ въ Сквородѣ послѣ его путешествія въ Германію, гдѣ повсюду тогда господствовали мистики и квіетисты. Поэтому, между прочимъ, Скворода, побывавши въ этой странѣ, навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими странами, исключая родины своей, Малороссіи.

Энтузіазмъ Сквороды, равно какъ и Сократа, представ-

ляетъ изъ себя только положительное начало жизни; отрицательное же начало—иронія, бывшая большею частію прикрытіемъ его энтузiazма: ея игривая молнія всего чаще отражалась тогда, когда обнаруживала высшую степень восторга. Слѣдующій отрывокъ изъ письма Сковороды къ его другу Аѳанасію Панкову ¹⁾ раскрываетъ духъ и характеръ его ироніи. „Отеческое наказаніе, пишетъ онъ, заключаетъ въ своей горести сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу. Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпроваживаютъ по смѣху, а разумную шутку печатлѣетъ важный конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ ученый видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лице съ утаенною дальностію; вспомните пословицу: красна хата не углами, но пирогами. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о которыхъ можно сказать малороссійскую пословицу: стучить, шумить, гремить. А что тамъ? Кобыля мертва голова бѣжить. Говорятъ и великороссійцы: летала высоко, и сѣла недалеко, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Не любя миѣ эта пустая надменность и пышная пустошь; а люблю то, что сверху ничто, но въ срединѣ что; снаружи ложь, но внутри истина. Картинка сверху смѣшна, но внутри богодѣва... Не по кошельку суди сокровище. Проведенъ судъ судить!... Иногда во вретници кроется драгоценнѣйшій камень“. Иронія Сковороды простиралась до того, что онъ иронизировалъ даже надъ своимъ собственнымъ именемъ. Въ 1787 году императрица Екатерина II, проѣздомъ чрезъ Украину, много наслышавшись о Сковородѣ, увидѣла его и спросила: „отчего ты такой черный?“.—„Э! вельможная мати, отвѣчалъ философъ: гдѣ же ты видѣла, чтобы скворода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она всё въ огнѣ?“

¹⁾ Письмо это напечатано, въ видѣ предисловія, при „Басняхъ харьковскихъ“ Сковороды, Москв., 1837 г., съ помѣткою 1774 года.

Переходя къ изложенію философскаго міровоззрѣнія Сковороды, предварительно замѣтимъ, что онъ, какъ мы видѣли и раньше, постоянно старался связывать свое философское ученіе съ церковной традиціей, въ которой онъ выросъ, и въ которой жило все его окружающее. При этомъ онъ часто прибѣгалъ къ аллегоріи, пытаясь образамъ и понятіямъ библейскимъ сообщить философскій, хотя и не всегда правильный, смыслъ. Въ концѣ-концевъ, Сковорода пришелъ къ убѣжденію, что св. Библия содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ отвѣты на всякіе вопросы и что надо только умѣть ихъ извлечь оттуда. Поэтому онъ любилъ Библию больше всего на свѣтѣ. Вышеприведенное письмо его къ Панкову заканчивается такою надписью: „любезный пріятель, твой вѣрный слуга, *любитель священныя Библии*, Григорій Сковорода“. А въ письмѣ своемъ къ Ковалѣнскому, отъ 1790 года, онъ взываетъ такъ: „О, сладчайшій органе! *Единая голубице моя Библия!* О, дабы сбылось на мнѣ оное! Давидъ мелодично выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! На сіе я родился. Для сего ѣмъ и пью; да *съ нею* (съ Библиею) *поживу и умру съ нею!*“!

Желая найти „начало всемірной машины“, Сковорода говоритъ: „взглянемъ теперь на всемірный этотъ міръ... какъ машинице, составленный изъ машинокъ, не ограниченный ни мѣстомъ, ни временемъ... Я вижу въ немъ единое начало, единый центръ и единый умный циркуль во множествѣ ихъ. Это начало и этотъ центръ есть вездѣ, а скутности его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что этотъ внѣшній міръ кончится въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, кончится, т. е. начинается. Видишь, что граница одного мѣста есть вмѣстѣ и дверь, открывающая поле новыхъ пространствъ. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда всё идетъ въ безконечность. Всѣ исполняющее начало и этотъ міръ, какъ его тѣнь, не имѣетъ границъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ“.

какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только разница, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалается, то преходить, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто: *materia aeterna*“. Это „единое начало“, этотъ „вездѣсущій центръ и умный циркуль“ Сковорода называетъ Богомъ. При этомъ онъ поясняетъ, что „у древнихъ Богъ назывался всемірнымъ умомъ, также бытіемъ вещей, вѣчностію, судьбою, необходимостію; а у христіанъ главнѣйшія Его названія слѣдующія: духъ, Господь, царь, отецъ, умъ, истина“. „Божественный духъ, продолжаетъ Сковорода, весь міръ содержитъ въ движеніи, какъ машинистова хитрость—часовую машину на башнѣ и самъ есть бытіе всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, управляетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая зовѣтси всеобщимъ закономъ, *опять обращается въ грубую матерію*. По этой причинѣ разумная древность сравнивала Его съ математикомъ или геометромъ; потому что непрестанно упражняется въ пропорціяхъ или размѣрахъ, выдѣливая по разнымъ фигурамъ, напр., травы, деревья звѣрей и всё проч... Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится“¹⁾.

Разсуждая въ частности о начальной и конечной причинѣ cadaго изъ существъ, Сковорода учитъ, что „вѣкъ подобенъ вѣнцу: начало и конецъ заключается въ одной точкѣ: Отъ зерна колось въ зерно возвращается... Какое первоначальное основаніе тварей?—Ничто. Вѣчная воля, возжелавъ облечь свои совершенства въ видимое явленіе, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Эти хотѣнія вѣчной воли одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено каждому существу, по образу вѣчнаго, поприще или кругъ явить свои силы, т. е. *изліяніе невидимаго во временной видимости* и снова всту-

¹⁾ См. „Израильскій змій“

пить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и это единое есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все это обветшаетъ, свѣтается, измѣнится; одинъ духъ Божій исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Богочеловѣкъ нашъ—вѣнецъ нашъ: не умираетъ, но измѣняется отъ смерти въ животь, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ есть часъ; то почто наутріе, на тысячу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ отеладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ неугасаемый огонь мучительныхъ желаній и чувствованій и неусыпаемый червь угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія еще не слышится въ насъ, что труба Божія еще не низвела къ намъ Судію страшнаго, праведнаго, судящаго такъ, какъ-бы онъ слышитъ наше сердце?“

Отвлеченныя разуженія Сквороды о существенномъ въ мірѣ и случайномъ внутреннемъ и внѣшнемъ, вѣчно-пребывающемъ и кажущемся лежитъ въ основѣ его этическихъ взглядовъ. Все случайное, внѣшнее и кажущееся—плоть, тлѣніе, тѣнь; существенное же, внутреннее есть вѣчное, Богъ. Въ человѣкѣ отраженіе этого постоянно-пребывающаго, божественнаго есть его внутренней нетлѣнный духъ, который Скворода называлъ иногда „Минервою“. „Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ головы Юпитера, такъ нашъ духъ происходитъ отъ Бога“. „Такъ-какъ, замѣчаетъ Ковалѣвскій, Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Скворода людьми безъ Минервы. Такимъ образомъ, видя робкаго военачальника, грабителя судью,

хвастуна ритора и проч., онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ однажды на изображеніе Екатерины II, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервой"! Истинный человѣкъ, т. е. живущій въ немъ духъ или мысль, отражая въ себѣ это вѣчно-пребывающее, небесное, носить вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и единственно возможную „мѣру“ (критерій) познанія Бога, или плана вселенной. Значить, познаніе есть единственный путь къ соединенію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. „Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать ея тропинки“; „животворить одна истина“, и „не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ границу мертваго и живаго“. „Богъ отъ насъ ни молитвъ, ни жертвъ не хочетъ принять, если мы не узнали Его“. Познаніе, составляя такимъ образомъ цѣль жизни, есть въ тоже время и единственно истинное счастье человѣка. Сковорода говорилъ, что „счастье состоитъ въ томъ, чтобы, узнавъ настоящую въ себѣ способность, по ней построить свою жизнь. Такъ многіе ученые были бы, можетъ быть, разнощиками, многіе судьи пахарями, военачальники пастухами и т. д.. Отсюда, продолжаетъ онъ, происходитъ то, что одно и тоже состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаяняетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другого низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ его имени; одного ученіе возвысило до небесъ, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому грабителя; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе“. Въ духѣ своей философіи Сковорода настаивалъ на душевномъ спокойствіи и внутреннемъ равновѣсіи, какъ на необходимѣйшемъ условіи счастья человѣческаго. Но познаніе-жъ является и единственною основною добродѣтелію, обусловливающею собою всѣ остальные добродѣтели. Впрочемъ, между добродѣтелію и счастьемъ,

по Сковородѣ, какъ и по Сократу, нѣтъ существенной разницы,—это двѣ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

„Когда солнце, пишетъ Ковалѣнскій, возжегши безчисленныя свѣчи на смарагдотканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ Сковороды трапезу; тогда онъ, принимая чашу заботъ, не растворенныхъ никакими житейскими попеченіями, никакими страстными воздыханіями, никакими суетными развлеченіями, и вкушая радости высокимъ умомъ, въ спокойствіи, полномъ благодушества, говаривалъ: *благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!*“ Это положеніе, вытекающее изъ общаго теоретическаго положенія Сковороды, что нужно только познаніе, а познаніе не трудно (такъ-какъ оно находится въ волѣ человѣка), само было основнымъ положеніемъ въ его практической морали, изъ котораго онъ выводитъ два новыхъ положенія: одно касается счастья, другое добродѣтели. Первое положеніе такое: „счастіе есть человѣку самое нужное, но оно же есть и самое нетрудное, если только человѣкъ узнаетъ, въ чемъ оно заключается“. Второе положеніе: „трудно быть злымъ, не трудно быть благимъ“.

Всѣ эти положенія практической морали Сковороды, напоминающія собою этику Сократа, котораго онъ ставилъ себѣ въ образецъ, были для него, какъ и для того, не только отвлеченными разсужденіями, но и живой истиной, постепенно примѣняемой имъ въ своей собственной жизни. Сковорода принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ моралистовъ-философовъ, которые исповѣдывали свои принципы дѣломъ и жизнью и несли на алтарь своего служенія не столько избытки отъ своихъ духовныхъ дарованій, сколько самую душу, кровь своего сердца. Сковорода посвятилъ всю свою жизнь развитію и распространенію своей этической философіи, посвятилъ жизнь въ полномъ смыслѣ слова: ни одной черты въ его существованіи не было такой, которую можно было признать его личною, не связанною съ тѣмъ, что онъ счи-

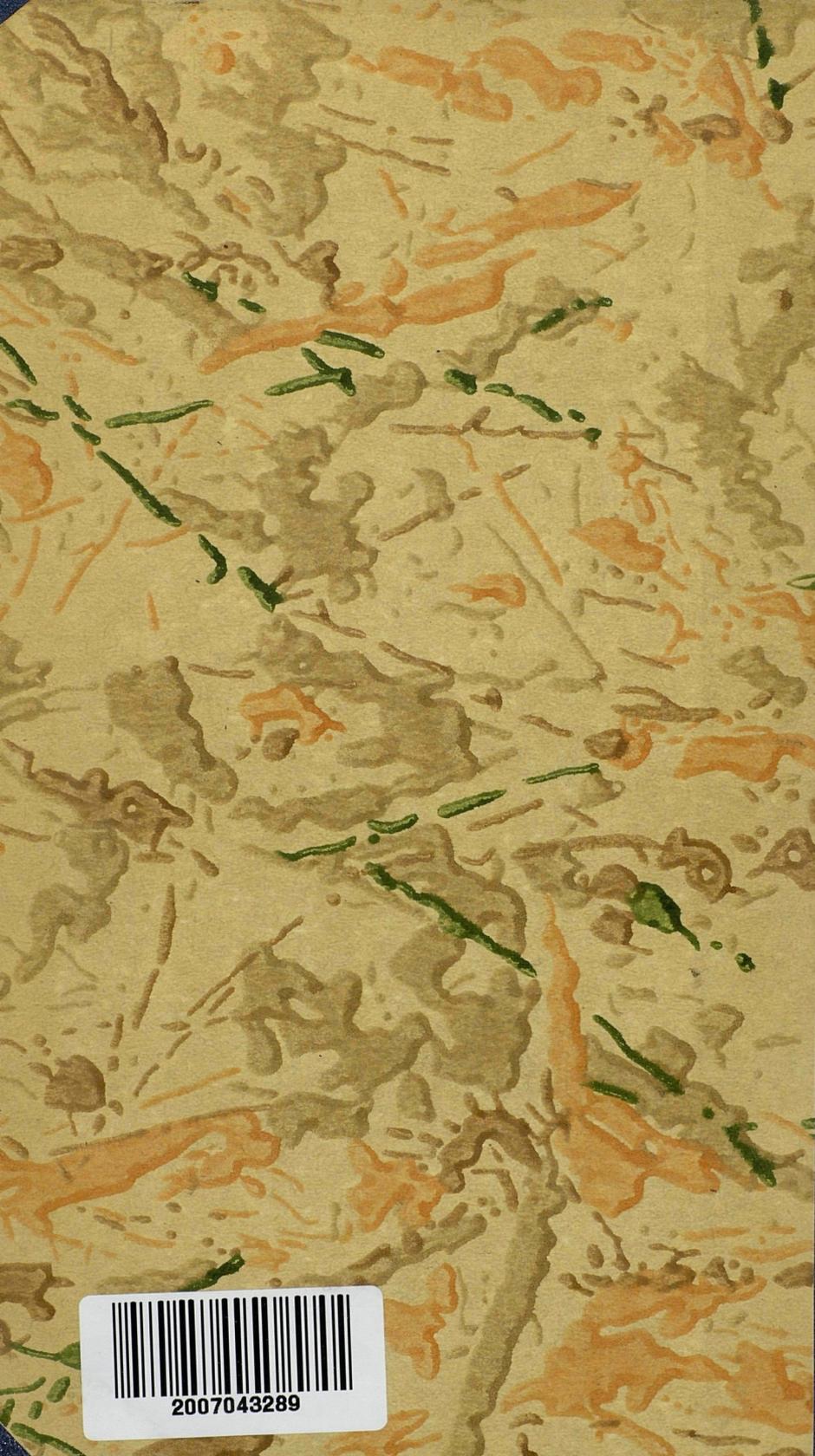
талъ своей миссіей. Въ этомъ отношеніи это личность рѣдчайшей цѣнности.

Чтобы оставить читателя подѣ болѣе полнымъ впечатлѣніемъ отъ личности украинскаго философа, приведемъ въ заключеніе слова его любимѣйшаго друга и біографа, Ковалѣнскаго, о томъ, какъ онъ молился. „Полуночное время Скворода имѣлъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутри себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ возывалъ ихъ къ началу Божію: возстаньте лѣнныя и всегда низу поникшіе помыслы моего ума! возьмитесь и возвысьтесь на гору вѣчности. Тутъ мгновенно отерывалась брань, и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе боролось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, съ собственными слабостями человѣческой брности и всѣми тварями, сильнѣйше нападая на его волю, дабы плѣнить ее и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе, напротивъ, приглашало его волю къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣ-сущему, вся исполняющему, и заставляло его облечься во вся оружія Божія, дабы возмоци ему сгати противу козней лжемудрія. Какая брань! Сколько подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празднымъ, безъ дѣла, безъ подвиговъ, безъ пользы человѣчеству? Такъ же онъ проводилъ полуночные часы въ бранномъ ополченіи противъ силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа онъ выходилъ на поле раздѣлять свое славословіе со всею природою“.

Сочиненія того же автора:

1. „Бракъ у древнихъ евреевъ“. Кіевъ, 1892 года.
Ц. съ перес. 2 р.
2. „Хорошевскій Вознесенскій дѣвичій монастырь“. Харьковъ, 1894 года. Ц. 25 коп., съ перес. 30 к.

Цѣна 40 коп.

2007043289